К 90-летию МХАТа

Это — поистине значительная дата не только в нашей отечественной культуре. Знаменитый МХАТ с его эмблемой — летящей чеховской чайкой на занавесе — известен во всем мире. Его художественные открытия — признанный вклад русской и советской культуры в культуру всего человечества. Этот вклад связан с утверждением на сцене высших гуманистических идеалов эпохи, с подвижническим трудом его основателей Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко, с именами наших великих драматургов А. П. Чехова и А. М. Горького. О нем написано немало книг, монографий на многих языках народов мира. С МХАТом связана слава блестящей плеяды русских актеров, овеянных легендами еще при их жизни. Среди них — В. Качалов и И. Москвин, ставшие в 1936 году, как К. Станиславский и В. Немирович-Данченко, первыми народными артистами СССР. МХАТ всегда славился своей работой с современными драматургами.

Но МХАТ всегда был живым организмом. И потому путь его не усеян розами. Наоборот, будучи живым театром, он пережил разные, порой драматические страницы своей истории, о чем свидетельствует письмо Станиславского Горькому, написанное в 1933 году и публикуемое ниже. Многие талантливые мастера, начинавшие в мхатовских студиях (а их было несколько), дали жизнь другим известным театрам. Можно сказать, что и театр «Современник» — это фактически уже ШЕСТАЯ студия МХАТа.

Сегодня мы — свидетели еще одной драматической страницы его истории: разделения МХАТа на два коллектива, один из которых — возглавляемый народным артистом СССР Олегом Ефремовым — работает в здании в проезде Художественного театра, а другой — во главе с народной артисткой СССР Татьяной Дорониной — в здании на улице Москвина. И в той, и в другой труппе много талантливых актеров; они могут, продолжая развивать живые мхатовские традиции, поддержать и умножить славу Художественного театра. Конечно, разделение это вызвало немало горячих разговоров, полемику, породило множество тревожных вопросов. Их задают и читатели нашей газеты: каким будет МХАТ? Как будет он развиваться дальше? Какие традиции, принесшие ему мировую славу, найдут свое дальнейшее развитие? Эта всеобщая заинтересованность понятна: ведь речь идет действительно о нашей национальной гордости.

Вот почему в эти юбилейные дни мы обращаемся прежде всего к основателям МХАТа — К. С. Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко, к их мыслям и мечте: каким им виделось будущее Художественного театра? Ниже мы публикуем фрагменты из их выступлений, записей на репетициях, из документальных свидетельств.

«Я ХОЧУ ТЕАТРА МЫСЛИ...»

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ:

Простите за резкость

...Юбилей заставляет подводить итоги, он раскрывает душу, в эти дни можно говорить о том, что не скажешь в другое время. Этим преимуществом наступивших торжественных дней я хочу воспользоваться.

Лишь только партия и Советское правительство взяли в свои руки бразды правления, одной из первых их забот явилась охрана старого театра. Надо было поддержать коллективы, уцелевшие от прежней жизни.

Сначала многие из нас не понимали и недооценивали происшедшего тогда, в революционные дни. Многие из нас, и я в их числе, упирались, присматривались и не сразу соглашались возобновить работу и спектакли.

В это трудное, переходное время партия и Советское правительство проявили по отношению к нам, артистам, терпение, мудрость, такт и внимание. Тогда мы этого не понимали, но теперь... Хочется отдать дань великой благодарности за осторожный подход к искусству и к тем, кто не сразу оценил значение перелома.

...Этот период сомнений и неустойчивости был продолжителен. Кроме некоторых честных, искренне ошибавшихся представителей нового, условного искусства появились толпы эксплуататоров, карьеристов, присосавшихся к театру, чтобы около него погреть руки и «в мутной воде ловить рыбу». Для этого создавшаяся в театре атмосфера лжи была благоприятна.

Прибавьте к этой художественной опасности другую, материальную: касса театра в большой мере зависела от царящей в искусстве «моды».

Мы не последовали тогда за волновавшими всех «измами», и за это нас признали отсталыми «натуралистами». Эта устаревшая кличка не покидает нас и теперь, по традиции. Большую часть той поры, о которой идет речь, Художественный театр жил на свои собственные средства. У нас не было субсидий от царского правительства. Существование МХАТа зависело от сборов, а сборы — от успеха начального, первого спектакля, открывавшего сезон.

Так было до Великой революции 1917 года. По окончании ее все изменилось... Нам предоставили заниматься только своим художественным делом.

...Одновременно с этим жизнь поставила перед нами новую трудную задачу. Мы встретились с неизвестной нам до того времени аудиторией и новыми, не сразу понятными нам задачами общественно-политического характера. Многие разрешали ее простой сценической «агиткой». Мы растерялись и в таком состоянии недоумения и поисков провели долгие годы, пока не произошло наконец того, чему я не знаю примера в истории: в защиту подлинного искусства выступили не мы сами — артисты,— а партия и правительство.

* * *

— Поймите, театр — это коллектив в искусстве, спектакль — это ансамбль, в котором никакой актер, играющий большую роль, как бы он замечательно ни играл, не спасет положения, если вокруг него будет пусто, скучно, серо в решающий момент сценического действия пьесы.

Я не потерплю распущенности и халтуры на сцене. Я не желаю видеть — не имею на это права — скучающих физиономий на сцене... Одно такое лицо губит всю сцену, всех, честно действующих вокруг него, так как по закону контраста оно вылезает вперед, отвлекает на себя внимание публики. Его нельзя спрятать, его только можно замаскировать. Проще, правильней и справедливей убрать его со сцены, предложить такому артисту уйти в другой театр.

Пусть тот, кому трудно участвовать в народных сценах, придет и заявит мне честно об этом. Лишить Художественный театр его главной силы — умения строить и наполнять яркой, подлинной жизнью народные сцены — я не могу, не имею права перед теми, кто доверил Владимиру Ивановичу и мне руководство театром. Поэтому сокращать и выбрасывать народные сцены, как это делается в некоторых театрах, я не буду...

Наоборот, я буду беспощадно требователен к ним. Тем более что нам не сегодня — завтра предстоит выпускать «Бронепоезд» — пьесу, в которой главное действующее лицо — народ, русский народ, совершивший, для того чтобы мы могли радостно... работать в искусстве, в театре, совершивший переворот в истории мира — нашу русскую Великую революцию.

Кто этого не понимает: пусть уйдет от нас, ему не по пути с Художественным театром.

Простите за резкость, но я очень взволнован (1927 г.).

Из письма к А. М. Горькому (6.01.1933 г.):

...МХАТ обязан глубоко, а не поверхностно отвечать современности; смотреть в существо вещей, а не на их поверхностную оболочку. Я хочу театра мысли, а не театра протокольных фактов. Со всей искренностью я хочу сказать, что иной роли для себя в наши дни я не вижу — остаток своей жизни я хочу потратить на воспитание актера и углубление актерского мастерства, способного передать самые глубокие и сильные чувства и мысли человека наших дней.

Мне кажется, что и Ваши взгляды по отношению к МХАТу совпадают с моими взглядами. Вы не напрасно формулировали положение МХАТа как театральной Академии.

Этому росту «вглубь» есть, однако, много препятствий. За последние годы театр очень разросся «вширь», в нем более 120 человек актерского состава, из которых многие претендуют на работу, которой мы не можем им дать и которой они в МХАТе вести не могут... Я не вижу иного выхода, как разделение театра, чтобы основной МХАТ мог со всей последовательностью проводить принятую линию. Я считаю необходимым сосредоточить все силы внутри единого театра без всяких добавочных сцен, и с этой единой, одинаково понимающей искусство труппой я надеюсь добиться нужных результатов... Я надеюсь, что Вы [illegible] для жизни театра момент...

* * *

— Нашему поколению [illegible] люди будут работать [illegible] столько, сколько нужно для нормальных человеческих потребностей... [illegible]

Артисты будут [illegible] Пусть человечество и мы, артисты, готовятся к этим боям и победам!

ИЗ ДОКУМЕНТОВ

Из постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР (от [illegible] 1923 года):

[illegible]

Из сообщения [illegible] МХАТ ([illegible] г.):

[illegible]

Из постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР «Об увековечении памяти народного артиста Союза ССР К. С. Станиславского» от 7 сентября 1938 г.:

1. Соорудить в Москве памятник К. С. Станиславскому.
2. [illegible] К. С. Станиславского.
3. [illegible] К. С. Станиславского.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Напоминая читателям эти документы, [illegible] 1943 года.

В. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО:

Зерно спектакля

...Наступил третий период — новый период нашего искусства, наиболее богатый результатами. Старые актеры выросли уже в крупнейших мастеров. И они не отставали от сильного потока молодежи внутри театра, от своих учеников. Театр медленно, но прочно зажил жизнью революции... Вот в этом слиянии жизни театра с расчисткой нажитого художественного опыта начало коваться то искусство, которое мы имеем теперь.

Этому примеру можно ныне подводить итог. Мы крепко знаем, к чему мы идем. У нас уже есть образцы нового искусства, например «Враги» Горького: тут почти по всей пьесе уже ощущается наш новый театр.

...Да, теперь это театр Горького. Но театр Горького не исключает театра Чехова, а вбирает его в себя.

...Так вот, что же самое важное в нашем «сегодня»?

Прежде всего — мужественная простота.

Мужественная простота сама по себе заключает непременно большую идею, претворение большой идеи спектакля, создающей сильное, яркое сквозное действие. В образе, в стихе, в характере должна быть идея, и все это должно быть глубоко жизненно, но и ярко театрально... Этот театр охватит и Горького, и Толстого, и Чехова, и Шекспира, и Софокла, и Аристофана... (1938 г.).

* * *

...Зерно спектакля... Иногда актерам кажется, что это так легко понять и потому легко осуществить. А иногда, наоборот, с трудом добираются до зерна. Попробуем разобраться в этом путем примеров.

Вот одно из самых ярких и легко понимаемых «зерен» спектакля «Враги» Горького. Зерно крепко, четко уже в самом названии пьесы. С одной стороны — рабочий класс, с другой стороны — помещики, фабриканты, эксплуататоры... Каждая фигура очерчена жизненно, оригинально и сценично.

Возьмем другие примеры... «Три сестры» Чехова. Спектакль, как известно, много лет игрался с огромным успехом, когда и слово «зерно» отсутствовало в лексиконе МХАТа. Однако чутье подсказывало режиссуре и актерам правильное направление... Тоска по лучшей жизни... Схватить сущность этого зерна — «тоска по лучшей жизни» — вовсе не так легко... Интереснейший пример. Еланская пришла на первую репетицию с нескрываемой гримасой: и роль-то ей не нравится, и пьеса не нравится. Грибов пришел с улыбочкой. «Что ж, неплохая комическая роль». А в результате Еланская (Ольга) создала лучшую роль во всем своем репертуаре, и даже скажу — одну из тех ролей, которые представляют собой самые высокие произведения театрального искусства — по глубине, по трогательности, по необычайной поэтической красоте этого женского образа. Грибов создал образ замечательный по нацеленности всех поступков, всего поведения... Видевшие спектакль не забудут этой фигуры, не забудут, как Грибов — Чебутыкин в последнем действии сидит на террасе и смотрит куда-то вдаль. Актер не произносит ни единого слова, механически играя своим пенсне, но в его взгляде, устремленном как бы в какую-то бездну, такая безнадежная, глубокая тоска по лучшей жизни.

Но мы знаем, что в пьесе справляют именины, устраивают какие-то танцевальные вечера, празднуют масленицу, завтракают, пьют чай, играют на фортепиано, спорят. В общем, жизнь течет самая обыкновенная, самая будничная, самая простая, как бы ничем не обнаруживающая своих подводных течений. Поэтому зритель очень часто смеется, с большим любопытством относится ко всем отдельным кускам быта, кое-где плачет, но уносит с собой не эти отдельные куски быта, а именно то глубинное, что охватывало всех участвовавших, что было зерном спектакля,— тоску по лучшей жизни.

* * *

...Здесь я и попадаю на свой «конек» — это на тройственное восприятие спектакля: во-первых — социальное, во-вторых — жизненное и, в-третьих — театральное.

Если все эти три элемента — социальный, жизненный и театральный — синтетически слились в спектакле, тогда он для меня настоящая вершина искусства.

...Не нужно бояться слова «поэзия», не нужно думать, что поэзия — это непременно лунный свет и фальшивая интонация... В том-то и заключается громадная сила русского искусства, что оно может охватывать поэтически самые будничные черты быта.

«Мертвые души»... Почему же Гоголь назвал это произведение поэмой? Не только потому, что тут дело сводится к знаменитой «Тройке»... А потому, что в «Мертвых душах» в огромном поэтическом подъеме схвачена писателем-сатириком окружавшая его жизнь.

Без поэзии нет искусства.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

25 октября праздничный вечер состоялся в новом здании МХАТа на Тверском бульваре, где работает коллектив, возглавляемый народной артисткой СССР Т. Дорониной.

Короткой и динамичной, в духе времени была торжественная часть. Выступившие особо подчеркивали, что истинное кредо Художественного театра созданного К. С. Станиславским и Вл. Немировичем-Данченко, состоит в гармоническом соединении великих традиций прошлого со стремлением [illegible] на сегодняшний день. Главной своей задачей считает коллектив возрождение мхатовской этики и нравственного климата, репертуарной политики и актерского мастерства.

[illegible] следующая часть праздничного вечера. Во всю глубину сцены выстроились декорации: справа, почти перпендикулярно к зрительному залу — фасад здания Художественного театра в Камергерском переулке, а слева, прямо против него — знаменитый мхатовский занавес с парящей чайкой... В таком оформлении обычно играется пьеса Э. Радзинского «Старая актриса на роль жены Достоевского». Ее первый акт, пронизанный ностальгией по славному мхатовскому прошлому, не случайно был включен в программу: он послужил своеобразным вступлением к представлению, подготовленному творческой молодежью театра.

Оттолкнувшись от текстов классических спектаклей по произведениям Чехова, Горького, Булгакова, которые некогда украшали афишу Московского Художественного, начинающие актеры разыграли ироничную, остроумную композицию с выходом на современность, по сути дела перелистали страницы жизни МХАТа в период «раздела».

Что ж, последние годы МХАТу частенько было не до смеха. И потому появление традиционных мхатовских капустников, веселых, раскрепощенных, насыщенных юмором,— добрая примета.

(ТАСС).